

Исследования

УДК 82.3

Конча С. В.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

(Продолжение. Начало в №№ 2, 3)

Продолжен сравнительный обзор мифологических традиций о начале мира и борьбе различных групп божеств за власть над мирозданием. На этот раз рассматривается эллинская (древнегреческая) традиция в её отношении к прочим индоевропейским.

Ключевые слова: греческая мифология, мифы о начале мира, индоарийская мифология, ирландская мифология, вавилонская мифология.

7. Теогония древних греков

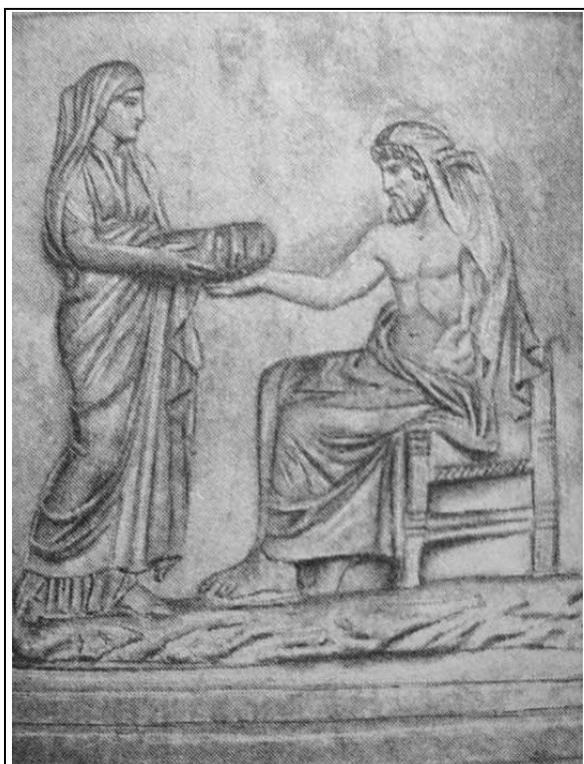

Рис. 1. Кронос и Рея (Копия с оригинала IV в. до н. э.).

Эллинский миф о начале мира и его устройении дошёл до нас изложенным в двух основных версиях: в поэме Гесиода «Теогония» (VII в. до н. э.) [3, с. 24–47] и в первой книге труда афинянина Аполлодора «Библиотека» (или «Мифологическая библиотека», II в. до н. э.) [1, с. 5–11], являющегося единственным известным нам античным собранием всех древнегреческих мифов. Эти две версии, отличаясь между собой рядом деталей, в целом довольно близко излагают историю Вселенной до воцарения в ней богов-олимпийцев и окончательной победе их над соперниками-титанами.

Опуская несущественные для нас подробности, сводящиеся в основном к перечням второстепенных богов и взаимоотношениям между ними, напомним читателю содержание греческого мифа о Начале.

Первоначально существовали лишь три сущности: Хаос¹, Гея (Земля) и Тартар (Бездна, мрачное подземное пространство). Через какое-то время Гея сама из себя породила Урана (Небо), который стал её мужем. Гея и Уран породили одноглазых циклопов, сторуких гекатонхейров а также титанов: Океана, Гипериона, Иапета, Коя, Крия, титанид: Тефию, Рею, Фемиду, Фебу, Диону и др.; последним из титанов у Геи и Урана родился Крон.

Уран, который «первым стал править всем миром», возненавидел собственных детей — он сбросил циклопов и гекатонхейров в Тартар, а титанов заточил в глубинах Земли, запретив им показываться на поверхности. Возмущённая деспотизмом мужа Гея призвала титанов к неповиновению и свержению власти Урана. Наиболее рьяно на её призывы отозвался завистливый и коварный младший сын Крон, ему Гея вручила специально созданный ею железный серп (кривой меч). Когда Уран собирался ночью в очередной раз сойтись с супругой, Крон, осторожно подкравшись, отрезал родному отцу детородный орган и зашвырнул его в море. Из упав-

¹ Хаос впоследствии породил Сон, Ночь, Эреб (Подземный Мрак) и др., однако никакой существенной роли в разворачивающихся далее событиях все эти создания не играют.

ших на землю (= тело Геи) каплей крови Урана у Геи впоследствии родились богини мести Эринии, а также гиганты и нимфы (по Гесиоду упавший в море огромный член Урана породил богиню любви Афродиту).

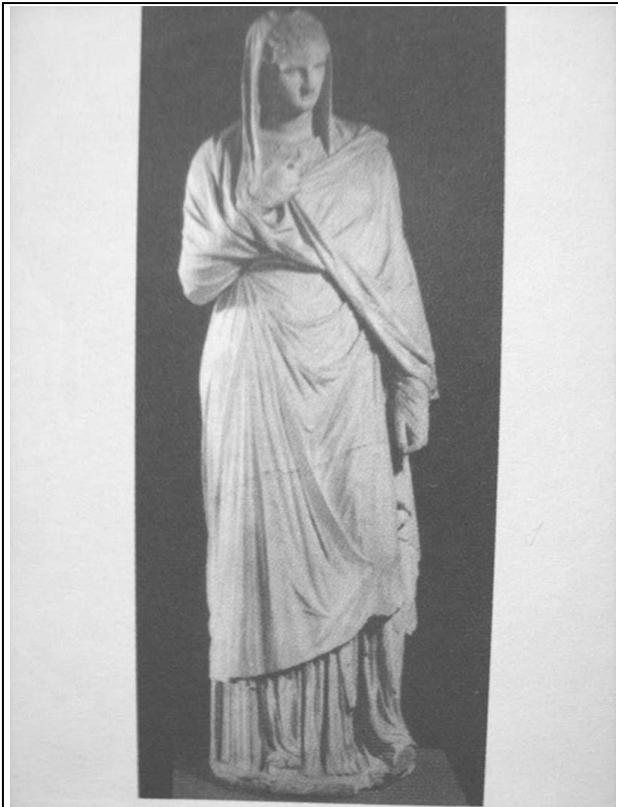

Рис. 2. Богиня плодородия Деметра, одно из воплощений Земли-матери (III в. до н. э.).

Титаны устранили Урана от власти (лишь Океан не поднял руку на отца), освободили из Тартара своих старших братьев — циклопов и сторуких — и признали царём над собой Крона. Однако тот, лишь став правителем, снова поверг циклопов и гекатонхейров в подземелье, чем, очевидно, и вызвал негодование Геи.

Уран и Гея, возненавидевшие Крона, предрекли, что собственный сын лишит его власти и станет правителем вместо него. В ответ на это младший из титанов принял решение пожирать собственных детей, рожденных ему Реей, его сестрой и супругой. Когда уже пятеро детей Крона и Реи — Гестия, Деметра, Гера, Плутон (Аид) и Посейдон (Энносигей) — были поглощены отцом, объятая негодованием и горем Рея обратилась с мольбой к Гее и Урану. Те помогли Рее укрыть её третьего сына Зевса в потаённой пещере острова Крит, где будущий громовержец рос, вскармливаемый молоком козы Амалфеи. Дабы злокозненный Крон ни о чём не догадался, Рея подсунула ему для поедания завёрнутый в пелёнки камень.

Как только Зевс подрос, он, подстрекаемый Геей, начал готовиться к борьбе с Кроном. По его просьбе дочь Океана Метида

дала Крону зелье, выпив которое, тот изрыгнул камень и проглоченных им ранее братьев и сестёр Зевса. Последние, как ни в чём ни бывало, тут же присоединились к своему младшему брату и начали войну против Крона и титанов.

Война между богами-кронидами и титанами (титаномахия) длилась десять лет. Богам не удалось достичь в ней успеха, ведь титаны, породившие к тому времени огромное потомство, были гораздо более многочисленны. Тогда Гея провела, что победа достанется богам в том случае, если из Тартара будут освобождены её старшие дети — циклопы и сторукие гекатонхейры. Зевс спустился в Тартар, убил приставленную сторожем титаниду Кампу и освободил сынов Геи. Благодарные циклопы, будучи искусными мастерами, изготовили для Зевса громовые стрелы-молнии, Плутону они вручили шлем-невидимку, а Посейдону — трезубец.

Завязалось решающее сражение, в котором боги в союзе с циклопами и сторукими великанами разгромили мощные фаланги титанов и загнали их в Тартар.

Согласно Аполлодору, своим успехом в борьбе с титанами боги обязаны изготовленному циклопами «оружию победы» [1, с. 6], Гесиод же причину успешного для богов исхода борьбы относит, главным образом, на счёт усилий могучих сторуких великанов, забросавших титанов градом камней [3, с. 40–42]. Так или иначе, боги победили титанов, заключили главнейших из них в Тартар и приставили к ним гекатонхейров в качестве охраны. Зевс был провозглашён новым владыкой мира.

Далее в изложениях Гесиода и Аполлодора находим существенные расхождения. Согласно Аполлодору, неугомонная Гея, вновь недовольная верховным владыкой, замышляет очередной переворот и поднимает на борьбу с богами ещё один род своих потомков — родив-

шихся из крови Урана гигантов, имеющих вид наполовину людей, наполовину (ниже пояса) змей. Боги вновь вынуждены вступить в жестокую борьбу за власть и своё существование. Новая война, известная как *гигантомахия*, разгорается уже тогда, когда Зевс, Плутон-Аид и Посейдон прочно утвердили власть над миром, разделив «сферы влияния». К этому времени Прометеем уже были созданы люди, а у Зевса от многочисленных жён родились сыновья и дочери, живущие с ним на Олимпе: Афина, Аполлон, Артемида, Гермес, родившаяся от титаниды Дионы Афродита, а также Геракл, рождённый от смертной женщины. Все они приняли деятельное участие в гигантомахии, но именно Гераклу суждено было сыграть решающую роль, так как роком было predetermined, что лишь участие в войне смертного на стороне богов дарует последним победу. Геракл сражался как всегда отважно и застрелил многих гигантов из своего лука; один из гигантов — Эфиальт — был поражён им в правый глаз².

Гиганты были побеждены, но Гея, не изменившая своему стремлению покарать племя кронидов, выслала против Зевса и его братьев своё наиболее чудовищное порождение — Тифона, один вид которого повергал богов в трепет.

По «Теогонии» Гесиода, Тифон (Тифоей) появляется на арене событий сразу же после ниспровержения титанов (указаний на борьбу с гигантами у Гесиода нет). Гея порождает Тифона-Тифоея, «отдавшись страстным объятиям Тартара», и сразу же посылает уничтожить богов. Не даётся никаких объяснений по поводу того, почему мать-земля только что поддерживавшая богов и помогавшая им вдруг вознамерилась погубить их. Создаётся впечатление, что Зевс, вовлекший богов и близких им титанов в усобицу, был для Геи лишь средством расчистить путь для нового «владыки мира». Таковым, по замыслу Геи, и должен был стать «полузверь» Тифон-Тифоей, о чём свидетельствует следующая фраза у Гесиода:

И совершилось бы в этот же день невозвратное дело,
Стал бы владыкою он над людьми и богами Олимпа.

По Аполлодору Тифон имел туловище и голову как у человека, но руки его, простиравшиеся «от заката до восхода», заканчивались сотней змеиных голов, а вместо ног он имел множество извивающихся кольцами змей, голова его достигала звёзд. Согласно указаниям Гесиода, Тифоей ступает, как будто, ногами, но также имеет сто змеиных голов. Оба автора сходятся на том, что Тифон-Тифоей испускал пламя из глаз, производил поражающие слух крики и ужасающий свист.

Согласно Аполлодору, боги, увидев, что Тифон приближается к Олимпу и собирается взойти на небо, бросились бежать в Египет. Убегая они постепенно принимали вид животных. Зевс метал в Тифона свои молнии, но тот продолжал наступать. Когда Тифон приблизился, Зевс ударил его кривым мечом, нанёс тяжёлую рану и Тифон, не выдержав боли, спешно ретировался. Однако Зевс настиг его в Сирии и между ними завязалась жестокая схватка. Тифону удалось оплести Зевса кольцами змей, вырвать меч и вырезать у него сухожилия на руках и ногах. После этого Тифон заточил Зевса в Корикийской пещере в Киликии (юго-восточная часть Малой Азии). Но вскоре Гермес и его сын Эгипан (он же Пан) освободили Зевса, вставили ему сухожилия и залечили раны.

«Вернув себе прежнюю силу, Зевс внезапно ринулся с неба на колеснице, влекомой крылатыми конями и, метая перуны, преследовал Тифона до горы Ниса». Битва между ними продолжилась во Фракии, где Тифон метал в Зевса целые горы. Здесь чудовищный сын Геи, будучи испещрён многочисленными ранениями, залил своей кровью Гемийский хребет (Балканские горы). Наконец обессиливший Тифон был повержен в области Сицилийского моря и Зевс

² Не исключено, что гигантомахия, о которой не знает Гесиод, есть лишь позднейшее обобщение различных вариантов мифа о войне с титанами и битве Бога Грозы со змееподобным сыном Земли [ср. 4, с. 152]. На это указывает змееподобная сущность гигантов и некоторые подробности борьбы: Афина заваливает Энкелада Сицилией, а Посейдон убегающего Полибота – островом Нисир, так же как Зевс наваливает Этну на упавшего Тифона. Но с другой стороны, мотивы гигантомахии, где решающая роль принадлежит детям Зевса, чем-то переключаются с мотивами последней битвы богов в «Эдде».

завалил его горой Этной (по этой причине из Этны до сих пор вырываются языки пламени) [1, с. 10].

Гесиод не сообщает всех этих подробностей, указав лишь, что поединок Зевса и Тифона сопровождался ужасным грохотом и дрожью земли. Стрелы-молнии Зевса сожгли Тифоею все сто голов, он был повержен (очевидно в Сицилии, так как пламя забило из расщелин Этны) и низринут в Тартар. В месте падения Тифоея «Земля-великанша» загорелась и стала плавиться «как олово в тигле».

Согласно Гесиоду, лишь после победы Зевса над Тифоном, боги ощутили себя в полной мере хозяевами положения и смогли спокойно заняться переустройством мира. Прежде всего

Громогремящему Зевсу, совету Земли повинуюсь,
Стать предложили они над богами царём и владыкой.
Он же уделы им роздал, какой для кого полагался [3, с. 47].

Первой супругой Зевса стала Метида, дочь Океана и Тефии, которая помогла некогда вернуть братьев и сестёр Зевса, поглощённых Кроном. Однако Уран и Гея предсказали, что сын Метиды лишит его власти. Зевс нисколько не погнушался обычая, заведенного зловещим Кроном: даже не став дожидаться рождения первенца, он проглотил свою жену. Последнее прибавило Зевсу мудрости, поскольку Метида («Мысль») была мудрейшей из богинь. Следствием неблагоприятного поступка Зевса также явилось рождение уже взрослой и вооружённой богини Афины непосредственно из его головы.

Несмотря на все пророчества и предостережения, серьёзных посягательств на небесный престол более не предпринималось. Зевс отныне и навсегда сделался полновластным правителем неба и земли. Посейдону досталась по жребию власть над морем, а Плутону-Аиду покровительство над подземным миром умерших. Усилиями титана Прометея, создавшего людей по повелению Зевса, земная поверхность была населена смертными. Мир стал таким, каким видели его современники создателей мифов.

8. Теогония и Миф о Первобитве

Как нетрудно видеть, схема греческой теогонии весьма близка к набросанной выше схеме предполагаемого мифа-прототипа — общего источника для мифов о происхождении богов и Вселенной в индоевропейских традициях (условно — Мифа). У самых истоков «божественной истории» мы видим противостояние двух групп (племён) божеств — старших и младших. Тема угнетения младших богов (или собственно богов), возможно, отобразилась в мотиве пожирания братьев и сестёр Зевса царём титанов Кроном а также в рассказе о вынужденном тайном пребывании молодого Зевса на Крите. Последний эпизод вполне соответствует ирландской и вавилонской традициям, где будущий бог грома и победитель Первосущества возрастает в некотором удалённом от главного поселения богов (и потаённом ?) месте [12, с. 38–39; 11, с. 29–31]³. Так же, как Луг и Мардук, Зевс на время решающей битвы, приводящей его к власти, является младшим из богов.

Инициатором и первопричиной войн и страданий богов выступает мать-земля Гея — одна из первых существ, возникших во Вселенной. Являясь прародительницей всего сущего, она в то же время то и дело вынашивает деструктивные идеи, и порождает злобных и опасных чудовищ, грозящих гибелью богам. Этими функциями греческая Гея полностью соответствует вавилонской Тиамат. Близок по своей природе Гее (и, тем более, Тиамат) первосущество скандинавской мифологии Имир, прародитель всех великанов: главных противников и притеснителей богов.

В ходе борьбы за существование против зловещих порождений Земли, Зевс приобретает наиболее эффективное в мире оружие — громовые стрелы-молнии, изготовленные в подземном мире циклопами. Им соответствует изготовленное наиболее искусными мастерами оружие Лу-

³ Во всяком случае боги ничего не знали ни о Луге, ни о Мардуке до того времени, когда они превратились в сильных воинов и освоили все необходимые ремёсла.

га, ассоциируемое с молнией (по одним данным это метательный камень, по другим — копьё), а также громовой молот Тора, изготовленный также под землёй лучшим мастером чёрных альвов (карликов) [10, с. 127–129]. Индоарийский бог грозы Индра, помимо своего главного оружия — молотообразной ваджры, созданной для него Тваштаром («Творцом»), также действует стрелами (и то и другое ассоциируется с громом и молнией). Вавилонский Мардук вооружён луком со стрелами, булавой, *молнией* и сетью, которые он изготавливает собственноручно [11, с. 31; 16, с. 104].

Самый грозный и сильный противник Зевса Тифон своей змееобразностью и способностью испускать громкие, страшные звуки напоминает Вритру — главного противника Индры. Вритра является порождением богини Дану, являющейся, как увидим ниже, одной из ипостасей матери-земли, но одновременно с этим сущностью враждебной Индре и прочим богам. В «Ригведе» находим рассказ о том, как вскоре после уничтожения Вритры (поражённого ваджрой в голову), Индра убивает также его мать — их тела даже оказываются лежащими вместе на поле битвы:

Поникла жизненная сила у той, чей сын Вритра.
Индра сбросил на неё смертельное оружие.
Сверху — родительница, внизу был сын.
Дану лежит, как корова с телёнком. [13, с. 41]

Можем рассматривать это как параллель к эллинской парадигме, где сын Земли является лишь орудием своей суровой матери; поражение и гибель Тифона означает, прежде всего, поражение Геи, которая после смерти своего самого могучего сына отказывается от дальнейших попыток подчинить богов своей воле.

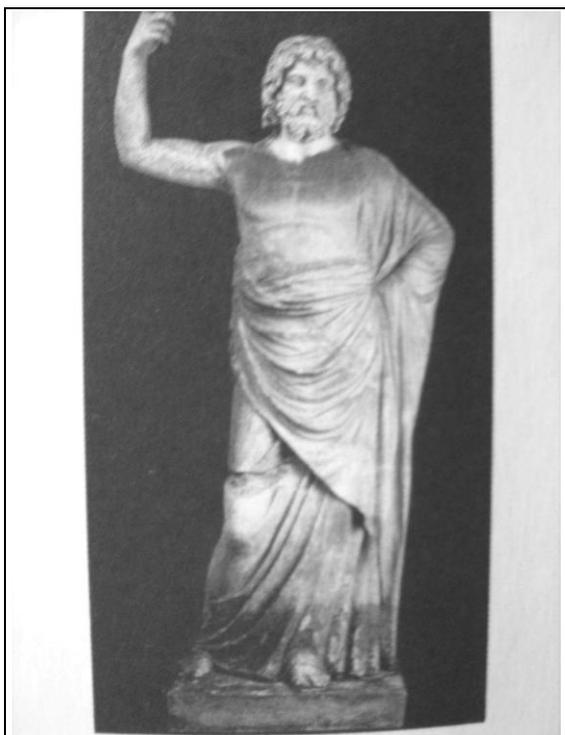

Рис. 3. Зевс (II в. до н. э.).

И Аполлодор, и Гесиод упоминают об огне, исходящем из глаз Тифона. Согласно Эсхилу, также приводящему рассказ о сражении Зевса с Тифоном, у последнего «из глаз сверкал огонь неистовой Горгоны» [1, с. 132], откуда можем заключить, что Тифон, подобно Горгоне, был способен убивать своим «пламенным взором». Последнее качество, как мы видели, является отличительным признаком Балора — противника Луга в ирландском сказании о битве богов [12, с. 45]. По мнению некоторых исследователей, предводитель фоморов Балор тесно связан с повелителем преисподней *Бели* [6, с. 122], являющимся супругом богини *Дон* — Земли-матери валлийских сказаний [9, т. 2, с. 317]. Последняя же соответствует ирландской *Дану* — прародительнице богов. Брак божества умерших Бели с прародительницей сущего напоминает союз Геи и *Тартара*, порождающий Тифона. Таким образом, Балор не только своими качествами и ролью на поле «первобитвы», но и характером отношений с «праматерью» вполне сопоставим с Тифоном.

В вавилонской поэме «Энума элиш» сама земля-мать, превратившаяся в ужасное огромное чудовище, выступает против богов, но рядом с нею шествует её *сын* и одновременно *муж* Кингу [11, с. 31; 16, с. 105–106]. Последнему Тиамат вручает «скрижали судьбы» и так же, как и Гея Тифоею, прочит верховную власть над богами и всем мирозданием. Тем самым пара Кингу — Тиамат во многом соответствует паре Ти-

фон — Гея, с той, однако, разницей, что, находящемуся всецело в тени могучей супруги, Кингу выпадает весьма жалкая роль.

Наконец, как мы уже видели, некоторые подробности битвы скандинавского Тора с великаном Хрунгниром и его специально созданным для этого поединка соратником Мёккуркальви с одной стороны напоминают детали битвы Зевса с Тифоном, а с другой сопоставимы с обстоятельствами поединка Мардук — Тиамат [7, № 3, с. 24]. О Тифоне, Тиамат, а также о Махише, противнике Сканды (воплощённого Индры) говорится, что они достигали своим ростом небес⁴. Невероятно гигантские размеры (девять миль в высоту и три в охвате) имеет и Мёккуркальви — глиняный соратник каменноголового Хрунгнира.

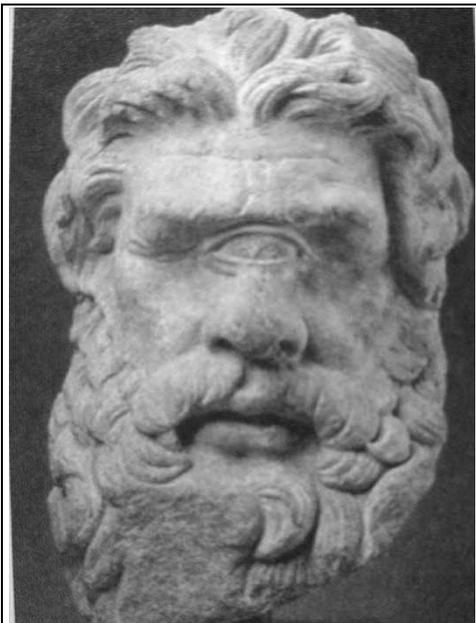

Рис. 4. Голова циклопа (II в. н. э.).

Заточение Зевса в Корикийской пещере по ходу его битвы с Тифоном, возможно, имеет параллель в упоминании «Младшей Эдды» о придавливании Тора ногой уже поверженного им Хрунгнира (имеющего каменно-скалистую природу). Так же как Зевса освобождает из пещеры его сын Гермес, оказавшегося в беспомощном положении Тора тоже выручает его сын Магни. Определённые проблемы в ходе сражения с Вритрой были и у Индры. Согласно указаний позднейшей ведийской традиции, Вритра будто бы проглотил Индру, но последнему удалось выбраться из тела демона и затем уже уничтожить его [9, т. 1, с. 534] (ср. образ пещеры как возможное воплощение входа в «утробу земли»).

Убийство монстроподобного сына (мужа) Земли Богом Грома является решающим и поворотным моментом войны богов с демонами в ирландской, ведийской и вавилонской традициях. То же самое видим и в греческой. Зевс устремляется в решающую схватку на колеснице (Аполлодор), поражает своего противника в голову (Гесиод), вполне соответствуя в этом Лугу, Тору, Индре, Сканде, Мардуку.

В результате гибели Тифоея, от него, согласно Гесиоду, произошли «влагу несущие ветры». [3, с. 46] Последнее может быть сопоставлено с протеканием вод (ранее запертых) сквозь части тела поражённого Индрой и «разбросанного по разным местам» Вритры [13, с. 41], с истеканием озера из отрубленной головы Балора [12, с. 252, прим. 38], обильным вытеканием вод из тела убитого Имира⁵ а также, по-видимому, с «протеканием» Мёккуркальви.

Аполлодор, Эсхил и Гесиод едины в том, что Зевс, сразив Тифона, завалил его горой Этной. Это обстоятельство также находит параллель в наваливании Мардуком горы на голову поверженной Тиамат [11, с. 32].

Положение непосредственного победителя Тифона Зевса, как царя богов, распределителя их функций и распорядителя судеб всего мира совершенно соответствует положению Луга, Одина, Мардука, Индры.

Как видим, обнаруживается достаточно большое количество совпадений между эллинской, вавилонской, скандинавской и ирландской версиями мифа о происхождении мира и богов, что даёт нам основания говорить об эллинской «теогонии», как об одном из ответвлений некогда единой мифологической традиции.

Однако наряду с целым рядом общих мест имеем и существенные особенности эллинского мифа о Начале, отличающие его от аналогичных индоевропейских повествований.

⁴ Позднейшая эллинистическая традиция считает Тифона наибольшим из всех существ когда-либо созданных богами [4, с. 153].

⁵ Ср. также отождествление истекающей воды с кровью Имира и указание на обильное пролитие поражённым Тифоном своей крови около Гемийского хребта.

В отличие от вавилонской и скандинавской версий Мифа, эллинская теогония не содержит прямых указаний на переустройство мироздания и организацию его из частей тела поверженного Первосущества.

На первый взгляд, сама зачинщица войны богов, «распростёртая повсюду» Гея, которая после гибели Тифона перестала играть какую-либо «политическую» роль и смирилась со своим поражением, может служить вполне адекватным воплощением поверженного Первосущества. Однако отображения Первосущества и (или) главного противника Громовержца других традиций — Имир, Тиамат, Балор, Вритра, Хрунгнир, Махиша — неизменно погибают, при этом в той или иной степени «наполняя собой» окружающий пейзаж. Упоминаний же о смерти Геи в преданиях греков не содержится, наоборот — она продолжает своё существование, как богиня второго плана. Кроме того, в отличие от вышеназванных персонажей, она не принимает непосредственного участия в битве.

Ещё одна важная и сразу же бросающаяся в глаза особенность греческой версии состоит в том, что конфликт богов с титанами есть одновременно конфликтом с их собственным отцом Кроном. В свою очередь, Крон первым восстал против своего отца, бога неба Урана и сверг его, в дальнейшем он стремится к уничтожению собственных детей. В других версиях также фигурируют несколько поколений предков бога-громовержца: ирл. Диан-Кехт — Киану — Луг, сканд. Бури — Бор — Один — Тор, вавил. Аншар — Ану — Эа — Мардук. Однако отношения между «отцами и детьми» в этих версиях довольно дружественные, в известной мере упомянутых персонажей можно назвать соратниками и единомышленниками. Как видим, здесь эллинская традиция противостоит общей норме.

9. Тифон и края Ойкумены

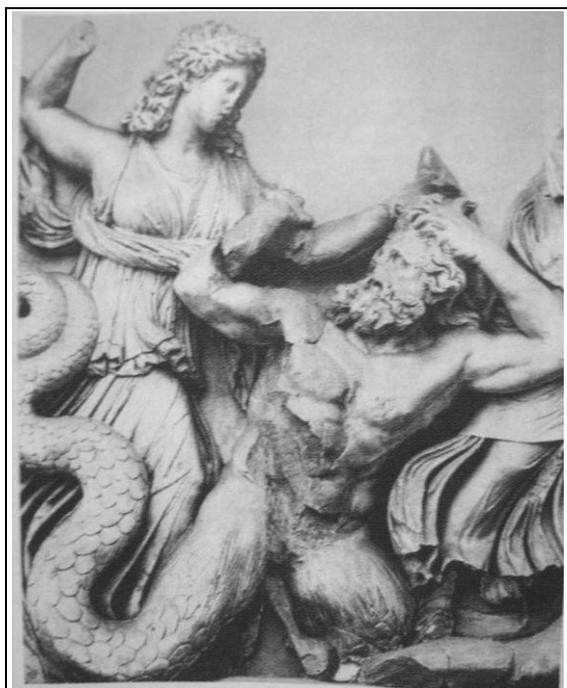

Рис. 5. Битва богов с гигантами. Фрагмент (Пергам, Алтарь Зевса, III в. до н. э.).

Обнаруживаемые расхождения, возможно, могли бы зародить сомнение относительно принципиальной сводимости греческой космогонической системы к обозначенной выше схеме индоевропейского «протомифа». Поэтому рассмотрим особо сущность и возможные истоки упомянутых особенностей эллинской парадигмы Мифа о Начале.

Прежде всего, возникает вопрос: имеет ли в эллинском варианте выступающее против богов чудовище, ту же сущность, что и в прочих версиях? Ведь в последних поверженный противник богов, как ни парадоксально, в конечном счёте, оказывается воплощением окружающего людей мира природы — поля, леса, горы, реки трактуются как плоть и кровь противника верховного бога, убитого им когда-то (в пору юности) в поединке. Гея лишь отчасти соответствует данному воззрению, так как не выступает открыто против Зевса, не умирает и, соответственно, не превращается в тот материал, из которого боги по своему усмотрению «конструируют» обитель человечества. Соответствием главного противника Бога Грома выступает сын Земли Тифон, но он лишь оказывается погребённым на

Сицилии, тем самым явно не дотягивая до уровня «космического великана».

Конечно, древние эллины, будучи ко времени записи древнейших образцов мифического повествования вполне цивилизованным народом, могли (должны были) переосмыслить древние воззрения на происхождение окружающего ландшафта, и всё же мы вправе ожидать,

что какие-то рудименты прежних представлений могли сохраниться в их богатом мифологическом наследии.

Весьма примечательным в данной связи представляется то обстоятельство, что география борьбы (битвы) Зевса с Тифоном в пересказе Аполлодора в точности очерчивает границы известной эллинам гомеровского и начала архаического периодов ойкумены (т. е. населённого людьми пространства). Эта борьба начинается, по-видимому, в Египте, куда ринулись бежать перепуганные олимпийцы, далее идёт через Сирию и Киликию в Малую Азию, проходит вдоль Балканских гор и заканчивается в южно-италийских морях, где свирепый Тифон нашёл своё окончательное успокоение под вулканом Этна. Согласно воззрениям, дошедшим до нас, главным образом, из текстов Гомера, за пределами обозначенных таким образом границ находились уже места обитания или владения божеств света и мрака, пространства населенные умершими, а также «блаженные» народы, живущие в непосредственном контакте с богами — эфиопы, лотофаги, гипербореи, великаны-лестригоны и т. д.

Рис. 6. Боги в собрании (V в. до н. э.).

Очевидно обозначение границ ойкумены поединком Зевса и Тифона не случайно. Согласно рассмотренных выше германских (скандинавских) и вавилонских представлений, за пределами созданных из тел Имира и Тиамат миров, внутри которых помещены местообитания людей, находятся владения небесных и подземных божеств и полубогов-великанов [10, с. 25 — 26; 12, с. 32]. Данная модель вполне соответствует архаичным воззрениям греков, по которым мир смертных людей, не только ограждён сверху и снизу небесной и земной твердями, но и в своём горизонтальном измерении заключён во вполне определённые рамки. Таким образом, тот контур, который обозначен у Аполлодора как путь Тифона, первоначально мог соответствовать «пределам Тифона», т. е. (исходя из скандинавской и вавилонской аналогий) примерным рубежам, созданной из тела противника Бога Грозы обители смертных.

Отголосок этих представлений явственно виден, прежде всего, в трактовке Этны, как места, где был погребён Тифон и откуда именно поэтому исходит пламя — по-видимому, первоначально здесь мыслилась голова чудовища, из глаз которого исходил смертоносный огонь⁶. По всей вероятности, упоминание о покрытии Гемийского хребта кровью Тифона (ср. в «Эдде»: горы как кости Имира, а «все воды» как его кровь), укажет нам на представление о высоких горах, как о выступающих частях тела мёртвого исполина. Надо думать, районы Сирии и Киликии, где Тифон, согласно Аполлодору, опутал Зевса змеями-ногами и заточил в пещере, прежде мыслились как нижние и задние части распростёртого гиганта⁷ (ср. Тора, придавленного именно *ногой* Хрунгнира).

Возможно отголосок представлений о Тифоне, как о великане, на котором зиждется видимая часть мира, содержится в словах Эсхила:

Он под корнями Этны распростёрт
Недалеко от синего пролива,

⁶ Согласно греческому поэту Нонну (V в. н. э.), извержение Этны вызывают попытки периодически оживающего Тифона вырваться из под земли, пламя пышет у него из глотки [15, с. 184].

⁷ Следует сделать оговорку, что эти приурочения к реальным географическим объектам являются, конечно-же, относительно поздними (т. е. не принадлежат индоевропейской эпохе), они возникали в процессе ознакомления эллинов с отдалёнными странами и соответствующего переосмысления древних мифов.

И давят горы грудь ему; на них
Сидит Гефест, куя своё железо...

Перевод С. Соловьёва [1, с. 132]

Правда нахождение сражённого сына Земли под Этной может быть понято в смысле пребывания его в мире мёртвых, ведь, согласно Гесиоду, Зевс сбрасывает Тифона в подземные глубины Тартара: «Пасмурно в Тартар широкий Кронид Тифоея забросил». Действительно, вулканизирующая Этна, находящаяся от греков *на западе* — в стороне мира умерших — могла представляться некогда как преддверие Тартара (или Эреба). Но в древних мифологиях находящиеся в потустороннем мире умершие обычно не лежат неподвижно распростёртыми. К тому же вавилонская и скандинавская версии, прямо указывающие на создание земли и неба из расчленённого великана, также содержат упоминания о сбрасывании победившим богом поверженного противника куда-то вниз, в глубины: «Он (Мардук) сбросил вниз её тушу, чтобы встать на ней» [16, с. 106], «Они (Один с братьями) взяли Имира, бросили в самую глубь Мировой Бездны и создали из него землю...» [10, с. 24].

Рис. 7. Тифон (VI в. до н. э.).

Таким образом, имеем основания предполагать, что обозначенное у Аполлодора «поле битвы» Зевса и Тифона восходит к первоначальному представлению о наиболее значимых объектах окружающего мира (т. е. мира *живых* людей), как о частях исполинского тела хтонического великана (поверженного противника бога-громовержца). В рассматриваемой версии Мифа, «сын Земли» Тифон, в какой-то мере перебрал на себя сущность своей матери, выступив в роли противника Бога Грозы и определив собой границы того мира, который был известен древним грекам во II — начале I тыс. до н. э. и, очевидно, воспринимался ими некогда как собственно «обитель людей». В этом смысле Тифона можем считать соответствующим Тиамат вавилонской версии а также эддическому первовеликану Имиру и дублирующему последнего Хрунгниру.

Остаток представлений о том, что Зевс, победив Тифона и заняв Олимп, не просто пришёл на всё готовое и заботился лишь распределением должностей, но занимался, кроме того, обустройством мира, обнаруживается в истории Атланта, который

руководил войсками титанов и в наказание за это был обречён вечно поддерживать небесный свод [4, с. 53]. «Энума элиш» акцентирует внимание на укреплении Мардуком небесной тверди, созданной из половины туловища Тиамат [11, с. 32]. В «Эдде» Стурлусона сказано, что для поддержки созданного Одним с братьями неба по его углам были посажены четыре карлика [10, с. 26]. Можем предполагать, что Зевс не только укрепил небо живой опорой в виде Атланта, но и создал видимый небесный свод, иначе было бы неясно, на чём он держался раньше.

10. Борьба за престол. Анатолийские параллели

Теперь касательно «конфликта отцов и детей» в эллинском мифе. Хорошо известны хетто-хурритские и шире — ближневосточные — параллели взаимоотношениям внутри династии «царствующих» богов, в связи с чем нередко полагают, что мифологема о после-

довательной насильственной смене «правителей мира» приходит к грекам с Востока. Но прежде чем перейти к рассмотрению этих параллелей, обратимся к некоторым аналогиям в индоевропейских традициях.

Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в «Ригведе» имеется указание на убийство Индрой отца [9, т.1, с. 533]. Данная тема не получила освещения в ведийской литературе, поэтому подробности и смысл конфликта между Индрой и его отцом не известны⁸. И всё же параллель между Индрой и Зевсом в этом вопросе намечается. Правда Зевс, как будто, не убивает своего отца Крона, а лишь свергает его с престола. По некоторым данным Зевс позднее даже примиряется с Кроном и даёт ему в удел управление островами блаженных где-то в отдалённых областях Гесперии [9, т. 2, с. 18]. Однако острова блаженных в эллинской мифологической парадигме соответствуют обители умерших, из чего следует, что отправка туда Крона первоначально была синонимична устранению его из мира живых, т. е. убийству. Показательно при этом, что и Крон, отец Зевса, и вероятный отец Индры Дьяус практически не фигурируют в дальнейшем мифологическом изложении.

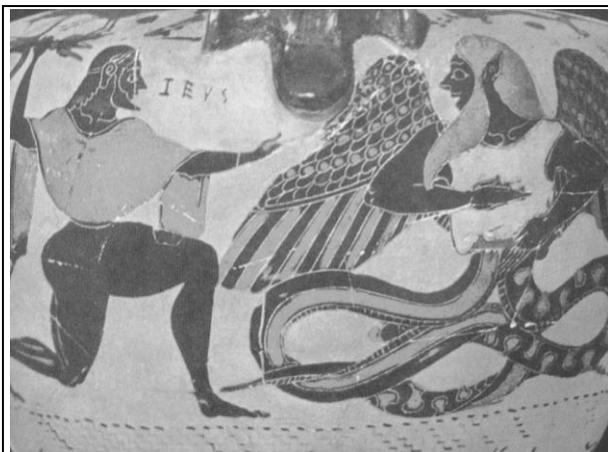

Рис. 8. Бой Зевса с Тифоном (Рисунок на амфоре, VI в. до н.э.).

Отец ирландского бога-громовика Луга Киан также погибает ещё до решающей битвы богов с демонами, в которой суждено было возвыситься Лугу. Луг не был причиной смерти отца — его по недоразумению убивают три сына бога Туиреанна, Луг же оплакивает Киана, сооружает курган над его могилой и карает убийц возложением непосильного задания [6, с. 96–110]. Но само по себе обстоятельство смерти одного из богов — и притом именно отца верховного бога — не может не бросаться в глаза, ведь обычно боги не умирают бесповоротно: так погибающие в решающей битве с демонами при Маг-Туиред боги-бойцы воскрешаются богами-лекарями после купания в целебном источнике [12, с. 44]. Безвозвратный уход Киана, имя

которого по одной из вероятных этимологий означает «удалённый» [5, с. 55], выпадает, таким образом, из общего ряда представлений о богах, но соответствует безвозвратному «удалению» из мира живых и из мифологического повествования Кроноса и Дьяуса.

Наконец положение в мифе бога Бора, произведшего на свет великого Одина, но также не принимающего участия в дальнейших событиях и совершенно заслонённого могучей фигурой сына, также вполне соответствует положению Дьяуса, Крона и Киана, хотя явных намёков на убийство Бора кем бы то ни было не имеем.

Таким образом, практически все основные индоевропейские версии совпадают в том, что отец верховного бога (бога-громовержца) умирает (без указаний на его воскрешение) и устраняется из повествования. Показательно, что в этом отношении рассмотренные индоевропейские версии противоплагаются очень близкому к ним вавилонскому мифу «Энума элиш», где отец Мардука Эа не только не пострадал, но и принял участие в управлении новым миром [11, с. 32–33].

Вместе с тем, мотив насильственного устранения предшественника на божественном троне в «Энума элиш» также присутствует: отец Мардука бог Эа *убивает* (sic) первопродка всех богов Апсу — т. е. «Океана», (первого) мужа Тиамат — сооружает своё жилище *на нём* и становится одним из главных богов [11, с. 29; 16, с. 101].

⁸ Не известно также в точности кто был отцом Индры. В этом качестве в «Ригведе» упоминаются то Дьяус, то Праджапати, то Тваштар. Однако, поскольку Праджапати и Тваштар нередко упоминаются в контексте иных деяний Индры, то погибшим в начале творения божеством, надо полагать, считался Дьяус.

Однако несомненно гораздо более близкую параллель эллинской мифологеме о смене небесных царей находим опять же на Ближнем Востоке, а именно в малоазийской мифологической поэме «О царствовании на небесах» [8, с. 114–124]. Поэма записана на хеттском (индоевропейском) языке и найдена среди собрания документов хеттских царей города Хаттусы. Однако, поскольку большинство упоминаемых имён божеств считаются хурритскими, сам изложенный в поэме миф обычно также рассматривается как хурритский (неиндоевропейский) по происхождению [2, 87–102].

Поэма, в частности, содержит такие строки:

Прежде в минувшие годы,
 Был Алалу на небе царём.
 Алалу сидел на престоле,
 И даже бог Ану могучий,
 Что прочих богов превосходит,
 Склоняясь у ног его низко,
 Стоял перед ним, словно кравчий,
 И чашу держал для питья.

И девять веков миновало,
 Как царствовал в небе Алалу.
 Когда же настал век десятый,
 Стал Ану сражаться с Алалу,
 И он победил его, Ану.
 Алалу бежал от него
 В далёкую Тёмную Землю,
 Он вниз убежал от него...

Свергнувший Алалу Ану точно так же правит девять веков, а «могучий Кумарби» склоняется перед ним и подаёт ему еду. Но по прошествии девяти веков Кумарби восстает против своего повелителя. Ану проигрывает поединок с Кумарби и пытается убежать от него «вверх» — на высшие ярусы неба. Но Кумарби стаскивает Ану с небес за ноги и при этом откусывает Ану его «мужскую силу». Ану предрекает, что следствием данного поступка будет «беременность» головы Кумарби тремя богами, в том числе Богом Грозы, который в свою очередь отнимет у Кумарби высшую власть. Пророчество в точности свершается. Ещё ранее часть «мужской силы» Ану попадает на землю, в результате чего также зарождаются некоторые божества.

Как видим, эллинская и хетто-хурритская схемы согласны в том, что каждый следующий правитель приходит к власти путём насильственного смещения *им же* предшественника. В обоих случаях присутствует мотив оскпления (и в обоих случаях данное деяние приписывается

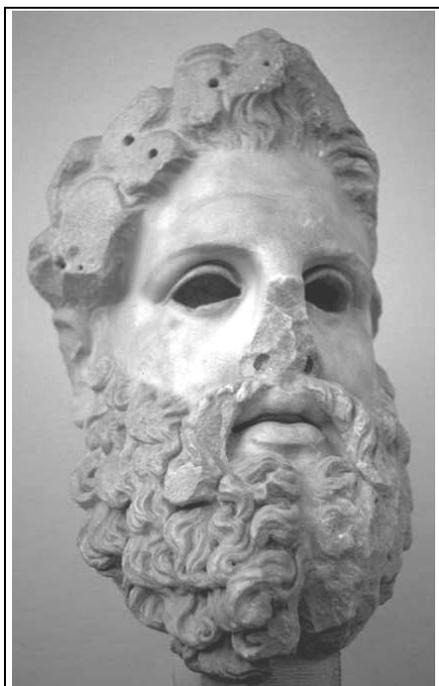

Рис. 9. Голова Зевса.

наименее привлекательному из персонажей), в обоих же случаях падение детородного органа («мужской силы») на землю приводит к появлению новых божественных существ. Наконец в обоих случаях встречаем довольно редкостный мотив рождения нового поколения богов из головы старшего бога: хетто-хурритский бог грозы Тешшуб и его братья рождаются из головы Кумарби, как Афина рождается из головы Зевса. При этом Зевсу, как и Кумарби, предсказывают свержение его с престола его же сыном, хотя в отличие от своего анатолийского коллеги Зевсу удаётся избежать свершения этого предсказания.

Таким образом, эллинская история воцарения верховного бога совпадает, с одной стороны, во многих аспектах с прочими проявлениями индоевропейского мифа-прототипа, с другой имеет общие мотивы с хетто-хурритским мифом о смене небесных правителей.

Принципиальное отличие между рассмотренными индоевропейскими и анатолийской традициями заключается в том, что, если в первом случае, конфликт богов показан как противостояние и соперничество двух племён или кланов, то во втором видим, скорее, сугубо династическую борьбу за престол на уровне отдельных личностей.

Общие точки соприкосновения эллинского мифа с другими индоевропейскими — соперничество богов и титанов, угнетение богов хтоническими силами, роль Земли-матери — не разделяются мифом об Ану и Кумарби. И наоборот, совпадения между греческим и хетто-хурритским мифами — ярко выраженная схема насильственной смены правителей, оскпление одного из свергаемых царей, происхождение некоторых божеств как следствие этого, рождение одного божества из головы другого — не имеют аналогов в прочих индоевропейских мифах о миротворении.

Таким образом, выглядит весьма вероятным, что греческая версия формируется в результате синтеза двух разных традиций: древней индоевропейской (исконной для предков исторических эллинов) и анатолийской (хурритской?). Рассмотренные выше детали мифологических мотивов убедительно указывают на то, что сущность эллинско-анатолийских и эллинско-североевропейских аналогий имеет далеко не только типологический характер. Они, без сомнения, являются результатом вполне конкретных связей и контактов.

Хаттуский архив хетто-хурритских документов содержит ещё некоторые мифы о боге Кумарби, некоторые из которых могут быть поняты, как продолжение сюжета поэмы «О царствовании на небесах». В них прослеживаются определённые аналогии с рассматриваемыми индоевропейскими (и вавилонским) сюжетами о первобитве богов. Природе и истокам этих аналогий, а также сущности фактического совпадения вавилонского мифа о Мардуке с индоевропейскими сказаниями о воцарении на небесах Бога Грозы будут посвящены наши следующие экскурсы.

(продолжение следует)

Л и т е р а т у р а :

1. *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Перевод и комментарии В. Г. Боруховича. — М., 1993 (1959).
2. *Вильгельм Г.* Древний народ хурриты. — М., 1992.
3. *Гесиод*. «Теогония» // *Гесиод*. Полное собрание текстов. Подготовка текстов В.Н.Ярхо, О.П. Цыбенко. — М., 2001.
4. *Грейвс Г.* Мифы Древней Греции. Перевод К. Лукьяненко. — Т. 1. — М., 1999.
5. *Калыгин В. П.* Этимологический словарь кельтских теонимов. — М., 2006.
6. Кельтская мифология. Энциклопедия. Перевод с англ. М., 2006.
7. *Конча С.* К реконструкции индоевропейской мифологии // Происхождение языка и культуры: древняя история человечества. — 2007. — № 2–3.
8. Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. Перевод Вяч. Вс. Иванова. — М., 1977.
9. Мифы народов мира. Энциклопедия. — Т. 1 — 2. — М., 1992.
10. Младшая Эдда. Перевод О. А. Смирницкой, комментарии М. И. Стеблин-Каменского. — Л., 1970.
11. *Немировский А. И.* Мифы древности: Ближний Восток. — М., 2001.
12. Предания и мифы средневековой Ирландии. Перевод и комментарии С. В. Шкунаева. — М., 1991.
13. Ригведа. Мандалы I — IV. Перевод и комментарии Т. Я. Елизаренковой. — М., 1989.
14. Старшая Эдда. Перевод А.И.Корсуна, комментарии М. И. Стеблин-Каменского. — М., 1963.
15. *Циркин Ю.* Мифы Угарита и Финикии. — М., 2003.
16. *Элиаде М.* Священные тексты народов мира. — М., 1998.

Статья поступила в редакцию 28.10.2007 г.

Об авторе:

КОНЧА Сергей Викторович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко.